

Русяева М. В. - кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии философского факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

УДК: 78.01

МУЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

У статті розглядаються проблеми викладання предметів музикальної спрямованості в структурі філософсько-культурологічної освіти. Визначається, що основою такого викладання повинні стати філософія музики та філософсько-культурологічне музикознавство, які мають бути об'єднані навколо феномену музичних універсалій культури.

Ключові слова: *філософія музики, філософсько-культурологічне музикознавство, музичні універсалії.*

В статье рассматриваются проблемы преподавания предметов музыкальной направленности в структуре философско-культурологического образования. Утверждается, что основой такого преподавания должны стать философия музыки и философско-культурологическое музыковедение, объединенные вокруг феномена музыкальных универсалий культуры.

Ключевые слова: *философия музыки, философско-культурологическое музыковедение, музыкальные универсалии.*

The article is devoted to the problem of teaching of music-oriented subjects in the system of philosophical and culturological education. It is demonstrated that theoretical background of this teaching is the philosophy of music. Phenomenon of "music universals" is the central point of this approach.

Keywords: *philosophy of music, system of philosophical and culturological education, "music universals".*

Актуальность исследования. В последние годы предметы музыкальной направленности прочно входят в структуру философско-культурологического образования. Так, например, одним из важных предметов, которые изучает студент-культуролог, является «История музыки». Наш многолетний опыт преподавания такого курса для студентов культурологического отделения философского факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова позволяет сделать вывод о необходимости разработать особый культурологический подход в изучении истории музыки. Представляется также перспективным и крайне актуальным внедрение курса «Философия музыки» в образовательную программу студентов-философов. В этой программе могут быть включены и другие курсы музыкальной и музыковедческой направленности. Однако для того, чтобы стать органической частью всего философского образовательного комплекса, такие курсы нуждаются в специальной адаптации, разработке собственной теоретической и методологической базы, формировании особого подхода к преподаванию.

Исходя из актуальности поставленной задачи, **цель настоящей публикации** формулируется следующим образом: проанализировать специфику преподавания предметов музыкальной направленности в структуре философско-культурологического образования. На наш взгляд, прежде всего, следует проделать работу технического характера, осуществить своего рода деконструктивные процедуры. Мы обратимся к уже имеющимся в учебной литературе вариантам создания музыкальных учебных курсов, где музыка понимается как

универсалия культуры и бытия. Мы постараемся через анализ конкретных текстов показать существующий диссонанс между синтетически-универсалистскими интенциями и чрезмерно специализированной музыковедческой направленностью разговора о музыке со студентами, не имеющими базового музыкального образования. На преодоление этого диссонанса направлена наша публикация, как минимум, она эту нестыковку призвана зафиксировать.

Представленная работа опирается на несколько групп теоретических **источников**. *Во-первых*, это обобщающие работы по философии музыки, рассматривающие музыку как феномен бытия и культуры. Это, прежде всего исследования Р. Апрелевой, Р. Ингардена, А. Лосева, Г. Макаренко, В. Медушевского, Н. Нечаевой, Е. Рябиной, В. Суханцевой, Т. Чередниченко, И. Черновой [1, 3, 6, 7, 8, 13, 14, 15, 16]. *Во-вторых*, это учебники истории и теории музыки, созданные для системы специального музыкального образования. Наиболее авторитетными авторами таких пособий являются Р. И. Грубер, Т. Н. Ливанова, В. Д. Конен и т.д. [2, 3, 5]. Однако при разработке данной темы остро ощущается недостаток учебной литературы по теории и истории музыки, рассчитанной на студентов не имеющих базового музыкального образования. Трудность также заключается в том, что огромное количество литературы по истории музыки, изданной для специализированных учебных заведений разного уровня, как правило, освещает лишь отдельные периоды. Есть и обобщающие работы, например, учебный курс «Всеобщая история музыки» Романа Грубера [2], по которому училось не одно поколение отечественных музыкантов и музыковедов. Однако в этом учебном пособии музыка не представлена как феномен культуры и как универсалия культуры, что является задачей философско-культурологического подхода к музыке.

В прикладном плане следует четко дифференцировать аудиторию слушателей, которым предназначаются курсы музыкальной направленности, и выделить: а) специальности, которые не предполагают музыкального образования (философ, культуролог); б) специальности, предполагающие наличие базового музыкального образования (музыкальная культурология).

Курс «История музыки» для музыкантов разных уровней (музыкальное училище, консерватория, музыкальная академия и т.д.) не существует в «чистом» виде, поскольку он разделен на множество подкурсов с глубоким, аналитическим и музыковедческим подходом к изучению материала. Это история зарубежной музыки, история русской музыки, история украинской музыки. Именно так обучают в училищах и консерваториях, специализированных музыкальных школах. При этом, изучая все эти периоды в отдельности, упускается из виду единство культуры, ее универсалии, в том числе и музыкальные. Не дается комплексного представления о единстве истории культуры в смене ее стилей направлений.

К попыткам создать «музыкальный» учебный курс философско-культурологической направленности можно отнести работы таких авторов, как А. Пустовит, В. Суханцева, Т. Чередниченко [10, 14, 15]. Обратим внимание на название работ, отражающих данную интенцию: «Восприятие музыки как философский практикум», «Музыка как мир человека. От идеи вселенной - к философии музыки», «Музыка в истории культуры : Курс лекций для студентов-немузыкантов, а также для всех, кто интересуется музыкальным искусством». Однако авторам этих работ не всегда удается избежать перегруженности достаточно сложной музыкальной терминологией, которую трудно воспринимать неподготовленному читателю. Мы также предприняли попытку создать курс «Истории музыки» специально для студентов-культурологов [11], где стремились предельно упростить сложную музыковедческую терминологию.

Алексей Федорович Лосев пишет о музыке, как о предмет логики [6]. Следуя его интенции, мы постараемся обозначить те теоретические и методологические основания, которые смогут сделать музыку предметом философии и культурологии, а точнее – философско-культурологического образования. Такой основой должна стать *философия музыки*. Как подчеркивает современная отечественная исследовательница Ирина Чернова,

философия музыки охватывает вопросы, которые выходят за рамки специального музыковедческого дискурса. Она граничит с психологией, теорией культуры и человеческой деятельности, а также с исследованием бытия и сознания. Проблемное поле философии музыки касается или переходит в проблематику философии культуры и философии личности [16].

Сама музыка должна предстать как некая пограничная область, как один из базовых феноменов культуры. В этом контексте студентам культурологам и философам должна преподаваться история музыки. Такой подход мы также попытались учесть в разработанном нами учебно-методическом пособии [11]. Сегодня востребованной оказывается такая область гуманитарного знания, которую можно обозначить как философское музыкознание. Его сущность описывается в исследованиях современных авторов, работающих на стыке философии и музыкознания (Суханцева, Чернова и др.). Как нам представляется можно говорить и о *философско-культурологическом музыкознании*. Оно также может послужить основой соответствующих учебных курсов.

Однако, как нам представляется, есть существенная разница между истоками и генезисом философии музыки и философско-культурологического музыкознания. В первом случае (философия музыки) исходной для формирования теоретико-понятийного базиса является философия, во втором (философское музыкознание) – музыкознание. Как показывает опыт, перегруженность специальной терминологией присутствует именно во втором случае. Обратимся к конкретному примеру.

Так, мы уже указывали на варианты создания учебных пособий, вписывающих музыку в общий контекст культуры. Обратимся к работе Т.В.Чередниченко «Музыка в истории культуры» [15]. Автор претендует на создание курса лекций для студентов-немусыкантов. Одновременно в аннотации пишется: «В лекциях очерчена масштабная картина истории музыкального искусства различных типов (народное творчество, профессиональное развлекательное музицирование, церковная и светская композиция), регионов и эпох. История музыки рассматривается как часть истории культуры. Сводя к минимуму использование специальных музыковедческих терминов, автор пытается раскрыть глубинные связи внутренних проблем музыкального творчества с тенденциями философского, религиозного, социального самосознания общества.» [15, с. 3].

С такой позицией нельзя не согласиться, ведь учитываются два отмеченных нами момента. Во-первых, она рассчитана на тех, кто не имеет специального музыкального образования и, во вторых, рассматривает музыку как целостный феномен и акт культуры. Однако, если мы проанализируем содержание, то обнаружим перенасыщенность достаточно сложной музыкальной терминологией, которую трудно воспринимать человеку, не имеющему специального образования. А, как правило, у студентов философов – культурологов такого образования нет.

Вот показательный пример: «С возникновением в европейской музыке XVI-XVII веков такта - метрической целостности с заранее предусмотренным акцентным делением на определенное количество равных долей (четыре четверти, три четверти, две четверти и т.п.) принципы деления наибольших и суммирования наименьших долей соединяются... Идеальная сетка акцентов делит целое на ряд частей, в то время как реальный ритмический рисунок отсчитывается от наименьших длительностей.» [15, с. 34-35]. Автор без предварительной подготовки вводит достаточно сложные для понимания термины: «такт», «ритмический рисунок», «длительность», «метр» и дальше начинает работать с ними, как с очевидными. Однако наш опыт преподавания музыки показывает, насколько сложно восприятие этих категорий. При первых шагах обучения музыке дети впитывают эти понятия буквально как «с молоком матери», используют их на практике, живут ими, но рефлексиируют над ними. Когда же «такт», «ритмический рисунок», «длительность», «метр» и другие термины не освоены в опыте исполнительства, они так и остаются пустыми, абстрактными. В доказательство сказанного приведем случай из собственной практики. К

нам за музикальною консультацією звернувся психолог, розробляючий теорію психології музикального сприйняття. Його також цікавила кольорова природа музики і в зв'язі з цим ряд фундаментальних основ музикального мови. Найважчим для спеціаліста такого високого рівня виявилася як раз категорія тривалості, яку Т.В.Чердніченко вводить як само собою розуміючись.

Врешті, і сама дослідниця в примітках вказує, що розроблений нею навчальний курс історії музики був прочитаний студентам Московського фізико-технічного інституту, які не завжди розуміли музикознавчі тонкощі предмету. В зв'язі з цим, показателю її репліка: «автор - музикознавець, і ніщо музикознавче йому не чуждо» [15, с. 8], яка вказує на наявність сумнівів в доступності викладеного матеріалу. Тут, по аналогії з «людським, занадто людським» (Ніцше), має місце «музикознавче, занадто музикознавче».

Ефект певного пом'якшення цього «занадто» без втрати високого професіоналізму можливий при зверненні до основ культурології як метатеоретичної дисципліни по відношенню до ряду гуманітарних наук. Культурологія розвивається на основі філософсько-естетичних знань, які отримують нове призначення, нові практичні функції: вони конкретизуються, звужуються, можуть втрачати сувору систематичність, але набувають велику гнучкість і практичну цінність. Філософія мистецтва стає проміжним ланкою між «чистою» філософією і мистецтвознавчою культурологією. Другим - зустрічним - напрямком (з боку мистецтвознавства) стає семиотико-семантичне вивчення мистецтва, обов'язково вимагає розгляду природи знаків і символів в мистецтві, закономірностей смислоутворення і т.д.

Необхідно продумати на філософському рівні глибокі бытийні, фундаментальні основи і історії музики і музикальної культури в цілому. А це саме теоретичне осмислення проблеми музики, взятої в єдинстві найважливіших аспектів її соціокультурного бытия (функціонування), що робить її предметом фундаментального комплексу наукових дисциплін. Інтеграція результатів міждисциплінарних досліджень досяжна тільки в контексті спеціальної науки - філософії музики. Саме в такого роду науці можливо знайти необхідний рівень абстракції, який міг би забезпечити цілісну інтерпретацію генезисних і бытийних структур особливого - музикального - способу освоєння світу.

Таким чином «поводом» зближення музикознавства з філософією і культурологією стає наприклад проблема трагічного і посттрагічного, що ми намагалися показати і в наших публікаціях [12]. «З боку» музики, трагічність - не тільки певний естетично-ціннісний аспект, який привноситься в музикальне зміст з загальножиттєвого досвіду, скільки специфічна форма розуміння життєвих закономірностей, виникла з досвіду мистецтвознавчої інтерпретації їх, завжди пов'язана з розкриттям антитези природи людського бытия.

Трагічне як *можливість самої життя* розуміється і переживається як реальна передумова мистецтвознавчого і музикального феномена трагічності тільки в силу особливого положення по відношенню до нього, особливою *цікавістю* в такому осмисленні життєвих суперечностей. Трагічне ставлення, як передумова трагічності, тим більше сама трагічність - це, в найбільшій мірі, результат інтерпретації, вибору способу розуміння і, відповідно, способу символізації тих сторін (проблем) людського досвіду, які важливі для розвитку культури (власне їй типу духовності) на даному етапі (для способу звернення людини до людської ж реальності).

Таким чином, втілення трагічного в музиці, виступає, в першу чергу, показателем випадку виявлення естетичної природи мистецтва, відкриває, в другу чергу, антитези основи естетичного досвіду і мистецтвознавчої умовності, як це не

парадоксально, но связано с позитивным характером художественной интерпретации (художественных эмоций) в целом.

Проблема трагического в музыке - в контексте “последних” философских, культурологических, антропологических вопросов - позволяет:

- определить своеобразие семантического изучения музыки как ведущего к целостному охвату всех смыслообразующих факторов;
- выяснить, как контекстуальный семантический анализ музыкально-трагического связан с вопросом о специфике музыкальной символики;
- выявить непосредственную обращенность поэтики трагического в музыке к узловым проблемам современной духовной культуры, к актуальным сегодня путям осмысления антиномичной природы личностного сознания.

Культурологическое изучение трагического в искусстве побуждает обращаться к антиномичным основам человеческой культуры, выявлять главные трагедийные антиномии человеческого бытия. Поэтому, как культурологическая, проблема трагического приобретает универсальную широту и может быть рассмотрена как одна из центральных в духовном опыте человека. Она становится общей для музыкознания, философии и культурологии, открывает принципиальную близость этих дисциплин. С одной стороны, философия и культурология открывают для музыкознания ближайшие метатеоретические понятия. С другой стороны, метатеория в области искусствоведения, непосредственно опирается на методики частных искусствоведческих дисциплин, в том числе музыкознания. Таким образом, музыковедческий анализ можно представить в контексте более общего философско-культурологического анализа в связи с их общим предметом - смысловым содержанием человеческой деятельности.

Этот общетеоретический, философско-культурологический и философско-антропологический подход к феномену трагического может стать своеобразной «новой оптикой», позволяющей «погрузить» музыку в контекст бытия культуры и человека. Также такой подход позволит говорить о музыке со студентом философом и культурологом на «родном» для него языке. Одновременно слушатель такого курса должен четко осознать недостаточность языка философско-культурологического дискурса в рамках подобного разговора, обрести внутреннюю мотивацию для освоения языка музыковедческого, хотя бы в первом приближении.

Выводы и перспективы исследования. Поставленная нами цель подразумевает осуществление такой перспективной задачи, как выявление *музыкальных универсалий*. Подобного рода универсалии, с одной стороны, должны быть осмыслены в контексте *онтологии музыки*, ее сущностного бытия, с позиций *музыкальной космологии*, если под последней понимать синтетическое единство Космоса и Логоса, как это подразумевалось еще в античности (*онтологический аспект*). С другой стороны, музыкальные универсалии должны, на наш взгляд, составить категориально-понятийную основу «музыкальных» учебных курсов в структуре философско-культурологического образования (*гносеологический и эпистемологический аспекты*). В рамках статьи можно лишь поставить данную задачу и наметить пути соединения онтологического и гносеологического уровня понимания музыкальных универсалий в контексте преподавания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ::

1. Апрелева В. А. Мифотворчество в аспекте онтологического обоснования музыки как культуры / В. А. Апрелева // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Материалы научно-методической конференции. 16 января 2001 года, Санкт-Петербург. - СПб. : Санкт-Петербургское философское общество. Серия “Symposium”. Выпуск 11. - 2001. - С. 6 - 10.
2. Грубер Р. И. Всеобщая история музыки : учеб. пособие для музыковед. отд. консерваторий / Роман Ильич Грубер. – М. : Музгиз, 1956. - 416 с.

3. Ингарден Р. Музыкальное произведение и вопрос его идентичности / Роман Ингарден ; [пер. с польского А. Ермилова и Б. Федорова] // Исследования по эстетике. – М. : Иностр. лит-ра, 1962. – С. 403 – 570.
4. Конен В. Д. История зарубежной музыки. Выпуск 2 / Валентина Джозефовна Конен. - М.: Музыка, 1972. - 528 с.
5. Ливанова Т. Н. История западноевропейской музыки до 1789 года : в 2 т. / Тамара Николаевна Ливанова. - М.: Музыка, 1983.
6. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики / Алексей Федорович Лосев // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М. : Правда, 1990. – С. 195 – 392.
7. Макаренко Г. Музыка і філософія : Шопенгауер, Вагнер, Ницше / Герман Макаренко. – К. : Факт, 2004. – 152 с.
8. Медушевский В. В. Онтологические основы интерпретации музыки / Вячеслав Вячеславович Медушевский // Интерпретация музыкального произведения в контексте культуры. Сб. трудов. Вып. 129. - М. : РАМ им. Гнесиных, 1994. - С. 53 – 65.
9. Нечаева Н. Б. Основания музыкального творчества как феномена культуры / Н. Б. Нечаева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 131 с.
10. Пустовит А. В. Восприятие классической музыки как философский практикум / Александр Пустовит // Ставропігійські філософські студії. – Львів, 2009. – Вип. 3 – С. 255 – 273
11. Русяева М. В. Методичні вказівки до курсу «Історія музики» для студентів-культурологів філософського факультету / М. В. Русяєва. – Одеса : Укрполіграф, 2008. – 37 с.
12. Русяева М. В. Актуальні проблеми трагічного в музиці / М. В. Русяєва // Вісник Одеського національного університету. Том 12. Випуск 15. Філософія. - Одеса, 2007. - С. 66 – 73.
13. Рябініна О. В. Феноменологія музики. Досвід концептуалізації : [монографія] / Олена Володимирівна Рябініна. – Харків : Харківський військовий університет, 2000. - 285 с.
14. Суханцева В.К. Музыка как мир человека. От идеи вселенной - к философии музыки / Виктория Суханцева. – К. : Факт, 2000. – 176 с.
15. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры : Курс лекций для студентов-немузыкантов, а также для всех, кто интересуется музыкальным искусством : в 2 т. / Татьяна Чередниченко. – Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1994.
16. Чернова І. В. Онтологія музичного твору та його виконання в естетиці Р. Ингардена / Ірина Вікторівна Чернова // Філософські пошуки. Вип. ХІХ : Пізнання: Епістемологічний, онтологічний та соціальний виміри. – Львів – Одеса : ІФЛІС – ЛФС “Cogito”. Видавництво “Центр Європи”, 2005. – С. 342 – 349.

Сақун А. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Одесской национальной академии связи имени А.С.Попова.

УДК: 140.8; 303.725.36; 3.08

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ

У статті аналізується зміст і сутність базових теоретичних і філософських концепцій в управлінні сучасним суспільством. Основна увага приділена такому філософському напрямку як прагматизм, який мав найсильніший вплив на духовне життя сучасного суспільства, філософському, антропологічному імовірністному детермінізму, концепції антропосоціального управління суспільством, а також синергетичній парадигмі в управлінні соціумом як одному з найбільш дієвих інструментів продуктивної комунікації суспільства.

Ключові слова: *концепція, парадигма, прагматизм, детермінізм, синергетика, управління, суспільство.*